

УДК [94(470.6):323(470)]»18»

ББК 63.3(235.7)5

Б 91

Л.В. Бурькина

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +7(8772)548765, +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ МОЛДАВСКИХ КОЛОНИСТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется проблема колонизации Северо-Западного Кавказа молдавскими переселенцами в пореформенный период. Время, причины и обстоятельства их появления на данной территории различны. Важной особенностью переселенческого движения на Северо-Западный Кавказ было то, что в регионе проживало местное (полиэтническое) население, и молдавские мигранты, по конфессиональной принадлежности – православные, перемещались параллельными или совместными группами с волнами мигрантов из европейской части России. Вместе с тем представители более ранних переселенческих потоков нередко воспринимали вновь прибывающих колонистов с позиций старожилов, что дополнительно обостряло социальные отношения в регионе. Миграционные процессы вызвали сложные социокультурные трансформации на Северо-Западном Кавказе, как среди аллохтонного, так и автохтонного населения.

Характерной чертой пореформенного периода является определённая двойственность имперской власти в решении переселенческой проблемы. Свидетельством подобного поведения являются законодательные акты, в которых выражается намерение тщательно контролировать переселенческое движение в силу признания его необходимости, и документы, фактически ему противоречащие.

В статье выявляются трудности процесса адаптации мигрантов, рассматривается вклад молдаван в экономическое и социокультурное развитие региона. Многолетнее функционирование немногочисленной молдавской диаспоры на Северо-Западном Кавказе объяснялось, прежде всего, сохранением культурной самобытности молдавских колонистов, которая поддерживала жизнеспособность данного этнического организма и проявлялась в сохранении родного языка, этнонациональной культуры, конфессиональной принадлежности, этнического самосознания. Дистанцированность от родины предков восполнялась гипертрофированным желанием сохранить национальную культуру, поддерживать ее развитие и персистентность к ассимиляции.

Автор подчёркивает, что ведущей тенденцией здесь были не массовые заимствования, а межэтническая интеграция, приводившая к формированию единого экономического и социально-политического пространства. Изучение хода миграции молдавского населения на Северо-Западный Кавказ, выявление механизмов идентификации и процессов этнического узнавания, сопутствовавших переселенческому движению, далеко не завершено и является важной задачей современной исторической науки.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный Кавказ, пореформенный период, переселенческое движение, молдаване, адаптационные процессы.

L.V. Burykina

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +78772548765, +79184282825, e-mail: mila.burykin@mail.ru

ADAPTATION RESOURCES OF MOLDOVAN COLONISTS IN ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE NORTH-WEST CAUCASUS IN THE POST-REFORM PERIOD

Abstract. The article analyzes the problem of colonization of the North-West Caucasus by Moldovan settlers during the post-reform period. The time, reasons and circumstances of their appearance in this territory vary. An important feature of the resettlement movement to the North-West Caucasus was that the region had a local (multiethnic) population, and Moldovan migrants, by confessional affiliation – Orthodox, moved in parallel or joint groups with waves of migrants from the European part of Russia. However, representatives of earlier resettlement flows often perceived the newly arriving colonists from the perspective of old residents, which further exacerbated social relations in the region. Migration processes have caused complex sociocultural transformations in the North-West Caucasus among both allochthonic and autochthonous populations.

A characteristic feature of the post-reform period is the definite duality of imperial power in solving the resettlement problem. Evidences of such behavior are legislative acts expressing the intention to carefully control the resettlement movement because of its need, and documents that are in fact contrary to it.

The article identifies the difficulties of the process of migrant adaptation, and considers the contribution of Moldovans to the economic and socio-cultural development of the region. The long-standing functioning of the small Moldovan diaspora in the North-West Caucasus was primarily due to the preservation of the cultural identity of Moldovan colonists, which supported the viability of this ethnic organism and was manifested in the preservation of the native language, ethno-national culture, denominational affiliation and ethnic identity. The distance from the homeland of ancestors was made up for by a hypertrophic desire to preserve the national culture, to support its development and to be persistent towards assimilation.

The author emphasizes that the leading trend here was not mass borrowing, but inter-ethnic integration, which led to the formation of a single economic and sociopolitical space. The study of the migration of the Moldovan population to the North-West Caucasus, the identification of the mechanisms of identification and the processes of ethnic recognition that accompanied the resettlement movement is far from complete and is an important task of contemporary historical science.

Keywords: Russian Empire, North-West Caucasus, post-reform period, resettlement movement, Moldovans, adaptation processes.

После окончания Кавказской войны и вынужденного махаджирства адыгов в Османскую империю происходила трансформация традиционной для Северо-Западного Кавказа этнической структуры.

Социально-экономическая и национальная политика, проводимая Российской империей, способствовала миксациям в этнокарте региона. Границы этносов в этот период отличались мобильностью и неустойчивостью.

Исследование этнодемографической истории Северо-Западного Кавказа, детерминированной различными факторами как естественного, так и политического, экономического и социального характера, приобретает в пореформенный период особый смысл, поскольку российское правительство начинает планомерное заселение региона мигрантами христианского вероисповедания – русскими, украинцами, белорусами, армянами, греками, немцами, поляками, чехами, болгарами, молдаванами и эстонцами. Миграционные процессы обостряют проблему этнического узнавания и взаимопознания и делают её наиболее острой: ведь переезд на долгий срок в новые условия и адаптация к ним требуют постоянного «подтверждения» существующей или складывания новой идентичности [1; 2]. В ходе переселения наиболее выразительно демонстрируются стандартные матрицы восприятия представителями различных этнических групп друг друга, а процесс взаимопознания проявляет себя в качестве адаптационного инструментария, позволяющего избегать этнических конфликтов и взаимного неприятия [2; 140].

Молдавские колонисты являлись одним из компонентов процесса колонизации Северо-Западного Кавказа. Время, причины и обстоятельства их появления на данной территории различны. Характерной чертой переселенческого движения на Северо-Западный Кавказ было то, что в регионе проживало местное (полиэтническое) население, и молдавские мигранты, по конфессиональной принадлежности – православные, перемещались параллельными или совместными группами с волнами мигрантов из европейской части России. Вместе с тем представители более ранних переселенческих потоков нередко воспринимали вновь прибывающих колонистов с позиций старожилов,

что дополнительно обостряло социальные отношения в регионе.

Начало периода неофициального самостоятельного переселенческого движения фактически положил императорский Манифест от 19 февраля 1861 г. Анализируя причины переселений различных этносов в регион, Н.Г. Волкова отмечает, что все они имели чётко выраженный социально-экономический и политический характер [3; 193]. Основными причинами переселения молдаван на Кавказ являлись малоземелье на родине, бедность, периодические неурожай, то есть доминировали социально-экономические мотивы. В Бессарабии доля юридически свободных безземельных крестьян (цараней), прикрепленных к своим сёлам, была преобладающей среди сельского населения. Кардинальному решению земельной проблемы не помогло и проведение земельной реформы 1868 г., предоставившей возможность крестьянам за выкуп получить небольшие наделы земли. В результате малоземелье подвигло молдавских крестьян как к организованному правительством, так и к неофициальному переселению на Кавказ уже в 1868-1869 гг. [4; 32].

Характерной чертой пореформенного периода является определённая двойственность имперской власти в решении переселенческой проблемы. Свидетельством подобного поведения являются законодательные акты, где высказывается желание тщательно контролировать переселенческое движение в силу признания его необходимости, так и документы, фактически ему противоречащие.

Первая линия была представлена в Указе императора Александра II от 10 мая 1862 г. о заселении предгорий западной части Кавказа семейными добровольцами всех сословий, Циркуляре Министерства внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные казенные земли» от 13 апреля 1868 г., по которому право на

миграцию получили все категории крестьян с заблаговременного разрешения правительственных структур. Обнародование этого документа стимулировало рост миграционных потоков, в том числе и в Бессарабии. В Циркуляре же Министерства внутренних дел от 4 мая 1868 г. губернаторам поручалось ограничивать переселенческие настроения крестьян, поскольку в 1870 г. завершался 9-летний срок временнообязанного состояния крестьян, и правительство опасалось непрогнозируемого роста миграций. Специальный Циркуляр Министерства внутренних дел от 5 ноября 1868 г. приостанавливал действие Циркуляра от 13 апреля 1868 г. В итоге до конца 1870-х гг. в Российской империи не было единого логичного законодательства, регулирующего миграционные процессы. Закон о переселении был принят 13 июня 1889 г. и расширен и видоизменен законами от 15 марта и 27 декабря 1896 г. Однако и в новых документах присутствовала определённая алогичность: с одной стороны, правительство не стремилось в принудительном порядке требовать возвращения стихийных мигрантов на родину, этим подтверждая признание итогов переселенческого движения; с другой стороны, желало чётко контролировать переселенческое движение, что привело к введению имущественного ценза, так называемого «переселенческого капитала», и чрезвычайной бюрократизации всего процесса при прохождении по различным инстанциям вплоть до согласования в Переселенческом управлении МВД России в Санкт-Петербурге [5; 127]. Следует подчеркнуть, что местные власти на Северо-Западном Кавказе были заинтересованы в переселенцах, испытывая острую потребность в рабочих руках.

В эти годы первая группа молдаван переселилась на Кубань, где в нагорной полосе ею был основан посёлок Шабано-Тхаманский [6]. В 1871-1876 гг. молдаване

обосновались в селении Пеленково, в 1869-1975 гг. – в Весёлом и Молдовке (Адлере), в 1873-1875 гг. – Молдавском [7; 165].

Отбор кандидатов для поселения в Черноморском округе нельзя было считать обоснованным, поскольку требовались «особые элементы, совершенно особенные характеры, характеры предприимчивые, стойкие и упорные, вроде тех, которые когда-то отправлялись на север из Новгорода, и которые занимали и расширяли бы русскую землю по направлению к востоку и югу» [8; 46].

Молдаване, как и другие колонисты, по мнению Н. Шаврова, не имели никакого понятия о крае, его почве, климате и местных условиях будущей земледельческой культуры и смотрели «по-своему на своё водворение и будущность образуемых ими поселений» [9; 28]. Адаптационный процесс для всех колонистов протекал тяжело. Наибольшие проблемы возникали при заселении Черноморской прибрежной полосы. Пособия, выдаваемые переселенцам от правительства, имели крайне преувеличенное значение в глазах мигрантов.

При выборе мест для организации поселений в прибрежной полосе в большинстве случаев не учитывались геолокационные характеристики местности, предназначенной для дальнейшего проживания мигрантов, а также выбор участка для постройки жилищ. Места для будущих населённых пунктов были установлены по карте, а посетить намеченные земли не удалось ни один чиновник [10; 26]. В итоге большинство деревень устраивались на дне долин по течению рек, в местах низменных, заболоченных, ареалах выплода малярийных комаров. Для оздоровления этих поселений необходимо было привлечь значительные финансовые ресурсы с целью расчистки зарослей и осушения болот, что было несовместимо с финансовыми возможностями колонистов.

Могучая растительность, которой отличалось восточное побережье Чёрного моря, препятствовала земледельческим работам. Влажный и тёплый климат с резкими перепадами температур был вреден для здоровья. Жизнь в шалашах до постройки удобных жилищ и заведения какого-нибудь хозяйства вызывала болезни. Повальное заболевание малярией, если не приводило к летальному исходу, то настолько истощало организм, что люди впадали в состояние депрессии и теряли работоспособность [11; 126].

Усугубляло и без того тяжёлое положение молдавских колонистов отсутствие удобных путей сообщения, поскольку их постройка через многочисленные хребты и отроги гор, разделённых множеством горных ручьёв и рек, требовала колоссальных сумм, не соответствовавших скромной задаче, поставленной правительством, о заселении Черноморского побережья несколькими тысячами новых колонистов. С другой стороны, безуспешная борьба первых партий поселенцев с природной средой восточного берега Чёрного моря выявила и другой факт: без затраты крупных капиталов развитие интенсивного сельского хозяйства в данном регионе совершенно невысказимо.

Отсутствие дорог, трудности устройства хозяйства в болотистой или пустынной местности и высокая смертность от лихорадки надломил силы первых поселенцев – многие семьи поголовно вымерли, другие, не выдержав тяжёлых испытаний, возвращались в Бессарабию. Так, в селении Пеленковом до 1876 г. было поселено 79 семейств молдаван, из которых вымерло 15, ушло в другие места 38 и уцелело всего 26 семейств. В деревне Весёлой до 1875 г. поселилось 98 семейств молдаван, из них вымерло 29, ушло в другие места 28 и осталось в деревне только 41 семейство [12; 61]. В деревне Молдовка (Адлер) с 1869 г. по 1876 г. поселилось 48 молдавских семейств,

из них вымерло 18, 15 отправилось в другие места и лишь 15 семейств выжило [4; 19]. К началу 80-х гг. XIX в. численность молдаван в Черноморском округе составляла тысячу человек [3; 241]. По данным первой всероссийской переписи населения 1897 г. 5,3 тыс. молдаван проживало в Екатеринодарском, Кавказском, Лабинском, Майкопском и Темрюкском отделах Кубанской области. Из них 3,4 тыс. – в Темрюкском отделе. В Туапсинском и Сочинском округах Черноморской губернии насчитывалось 700 молдаван [13; 10–38]. Молдавский язык относится к романской ветви, а молдаване называют себя молдовень.

Анализируя материалы Вольного экономического общества (1885 г.), Бороздин подчёркивал, что численность сельского населения в Черноморском округе достигла 8 тыс. человек, из которых преобладающая часть населения была представлена армянами, греками, немцами, чехами, поляками и молдаванами. Переселение колонистов обошлось российскому правительству ценой значительных затрат, хотя это пёстрое по этническому составу население находилось в «самом захудалом положении». Их казённые недоимки достигли 75 тыс. руб. [14; 130].

В условиях складывавшейся полиэтничности региона отдельные этнические группы населения продолжали сохранять национальные черты и традиции. В этнографических описаниях дореволюционных авторов даётся такая характеристика внешнего облика кубанских молдаван: «Верхнее платье хачхо – мужицкое, отличие же их, мужчина надевает сверх широких до неимоверности, как широкая тяжёлая юбка, шаровар длинную за колена рубаху, сверху по пояс часто выстеганную куртку, подпоясывается широким толстенным из красной преимущественно материи поясом, женщины в платьях и кофтах, по современному малороссийскому

образцу...» [15]. Язык, песенный и танцевальный фольклор, традиционная система питания формировались у молдаван под воздействием каждодневной практики, традиционной системы ценностей. Молдавскую кухню отличает богатый фруктовый и овощной ассортимент. К пищевкусовым предпочтениям молдавских колонистов относятся мамалыга (круто заваренная каша из кукурузной муки или круп) вместо хлеба, пироги плацинды с творогом и зеленью, борщ, брынза. Вдали от исторической родины они не забывали и о супе зама (разновидности куриного супа с лапшой, с добавлением специального кислого кваса — акру). Суп подавали и на свадебных торжествах, и на поминках, и при простуде [16].

Молдаване внесли свою лепту в экономическое развитие Северо-Западного Кавказа, возделывая пшеницу, кукурузу, ячмень, овёс, рожь, бобовые, картофель. Значительную роль в хозяйстве молдаван играло свиноводство и овцеводство. К концу XIX в. успешно развивались табаководство, огородничество, плодоводство, виноградарство. Среди промыслов процветали гончарный, пенькопрядильный [17; 147], а также обработка камня, плетение из растительного сырья, обработка дерева [18; 411]. Преодолев трудности процесса адаптации, жизнь мигрантов постепенно налаживалась.

Многолетнее функционирование немногочисленной молдавской диаспоры на Северо-Западном Кавказе объяснялось, прежде всего, сохранением культурной самобытности молдавских колонистов, которая поддерживала жизнеспособность данного этнического организма и проявлялась в сохранении родного языка, этнонациональной культуры (обрядов, традиций, жизненных устоев, домашнего уклада, праздников, фольклора и т.д.), профессиональной принадлежности, этнического самосознания. Дистанцированность от родины предков

восполнялась гипертрофированным желанием сохранить национальную культуру, поддерживать ее развитие и персистентность к ассимиляции [19; 119]. Новые условия жизнедеятельности и непривычное культурно-бытовое пространство на первых порах привели к некоторой обособленности молдаван от остального населения. Но в дальнейшем, по мере хозяйственной интеграции, между аллохтонным и автохтонным населением углублялось социокультурное взаимодействие, гарантированное высоким уровнем этнорелигиозной толерантности местного населения.

Как отмечает А.Ю. Шадже, Кавказ — это «ареал постоянного кросс-культурного взаимодействия» [20; 38], который с начала колонизации Российской империей приобретает статус зоны тесного межкультурного сотрудничества и уникального пограничного региона в географическом и социокультурном отношениях [21; 237]. Миграционные процессы пореформенного периода кардинально изменили этнокарту Северо-Западного Кавказа и вызвали сложные социокультурные трансформации в регионе, как среди аллохтонного, так и автохтонного населения, вынужденного своевременно адаптироваться к новым условиям. Уникальность сложившейся ситуации состояла в том, что местное население, сохраняя базовые компоненты традиционной культуры, оказалось в положении адаптантов в новом социокультурном пространстве, поскольку значительная часть горского населения вынуждена была переселиться в Османскую империю.

Ведущей тенденцией, по мнению Н.Н. Великой, здесь были не массовые заимствования, а межэтническая интеграция, приводившая к формированию единого экономического и социально-политического пространства, к выработке ряда черт культурной гомогенности [22; 330]. Молдавские колонисты прошли

сложный путь социально-экономической адаптации и, не утратив своих культурных ценностей и национальной идентичности, смогли стать значимой частью полиэтничного и субкультурного пространства региона, оставив свой отпечаток в истории Северо-Западного Кавказа.

Таким образом, со временем представители ряда последовательных колонизационных потоков, в том числе и молдавская этнографическая группа, стали воспринимать Северо-Западный Кавказ как исконную территорию, и сосуществование различных культурно-исторических групп привело впоследствии к реальному диалогу культур. Однако не в полной мере изучены факторы, побуждающие к

переселению и формирующие миграционные настроения конкретных молдавских семей, мотивация выбора направления миграций, ход переселения, исходные условия жизни на новом месте, способы модификации пространства и многие другие проблемы, прежде находившиеся вне поля исследовательского внимания. Нуждается в дальнейшем структурном анализе тема сохранения изначальной, собственно молдавской идентичности и её роли в трансформации этнических соседей молдавских переселенцев. В целом же изучение традиционно-бытовой культуры молдавского этноса на Северо-Западном Кавказе находится в состоянии становления.

Примечания:

1. Сергеев В.Н., Крючек П.С. Миграционное движение с территории Беларуси на Юг России во второй половине XIX века: контуры проблемы // Гуманитарный вестник. Москва: МВТУ им. Баумана, 2014. № 2. С. 1–13.

2. Панфёров В.Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопознания людей // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 139–141.

3. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. Москва: Наука, 1974. 273 с.

4. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX в. – начале XX вв.: монография. Сочи: М-во образования РФ, Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела, 2000. 186 с.

5. Кауфман А.А. Переселение и колонизация: государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. 440 с.

6. Кубанские областные ведомости. 1905. 30 октября.

7. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краеведческий ежегодник. Краснодар, 1990. Вып. 2. С. 132-174.

8. Кавказский берег Черного моря // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 34–51.

9. Шавров Н. Проекты колонизации восточного берега Чёрного моря // Северный вестник. Санкт-Петербург, 1886. Отд. 2. С. 20–48.

10. Гранкин Ю.Ю. Колонизационное освоение Северного Кавказа в пореформенный период // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2011. № 132. С. 22–33.

11. Тхагапсова Г.Г. Демографическая политика России на Западном Кавказе (конец XIX в.) и её этноэкологические последствия // Информационно-аналитический вестник отдела истории АРИГИ. Майкоп, 2001. Вып. 4. С. 116–129.

12. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. 200 с.

13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 65: Кубанская область / ред. Н.А. Тройницкий. Санкт-Петербург: Изд. центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1905. 263 с.

14. Бороздин К.М. Колонизация Кавказа // Наблюдатель. Санкт-Петербург, 1885. № 5. С. 129-147.
15. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 722. Оп. 1. Д. 166. Л. 52.
16. Симионел В. Цена земли. История молдаван в Краснодарском крае. Краснодар: Simionel, 2018. 240 с.
17. Батюшков П.Н. Бессарабия. Историческое описание. Санкт-Петербург: Товарищество «Общественная польза», 1892. 322 с.
18. Молдаване / отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Деркачёв; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт культурного наследия А.Н. Молдовы. Москва: Наука, 2010. 542 с.
19. Зейналова С. Этнодемографические изменения на Кавказе: формирование европейских этнических общин (XIX – начало XX вв.) // Кавказ. Глобализация. 2009. Т. 3, вып. 4. С. 108–120.
20. Шадже А.Ю. Кавказская цивилизация или кавказская культура // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 34–38.
21. Триус Л.В. Создание на Северном Кавказе зоны межэтнического взаимодействия горцев, казаков и российских переселенцев (конец XVIII – начало XIX вв.). Университетские чтения – 2009, 12-13 января 2009 г.: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. Ч. 12. С. 233–238.
22. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII–XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2001. 519 с.

References:

1. Sergeev V.N., Kryuchek P.S. Migration movement from Belarus territory to the South of Russia in the second half of the 19th century: the contours of the problem // Humanitarian Bulletin. M.: MVTU of Bauman, 2014. No. 2. P. 1-13.
2. Panforyov V.N. Cognitive standards and stereotypes of mutual knowledge of people // Problems of Psychology, 1982. No. 5. P. 139-141.
3. Volkova N.G. Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries. M.: Nauka, 1974. 273 pp.
4. Tveritinov I.A. Socio-economic development of the Sochi district in the second half of the 19th – early 20th centuries: a monograph. Sochi: Ministry of Education of the Russian Federation. Sochi State University of Tourism and Resort Business, 2000. 186 pp.
5. Kaufman A.A. Resettlement and Colonization [Text]: state policy and peasant land ownership in post-reform Russia. M.: LIBROCOM, 2011. 440 pp.
6. Kuban Regional Sheets. 1905. October 30.
7. Bondar N.I. What do we know about each other? Ethnographic essay on the peoples of the Kuban area // Kuban Ethnographer. A yearbook. Krasnodar, 1990. Iss. 2. P. 132-174.
8. The Caucasian coast of the Black Sea // Domestic Notes. 1878. No. 3. P. 34-51.
9. Shavrov N. Projects of colonization of the eastern coast of the Black Sea // North Bulletin. SPb., 1886. Dep. 2. P. 20-48.
10. Grankin Yu.Yu. Colonization development of the North Caucasus in the post-reform period // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. SPb., 2011. No. 132. P. 22-33.
11. Tkhagapsova G.G. Demographic policy of Russia in the Western Caucasus (end of the 19th century) and its ethno-ecological consequences // Information and Analytical Bulletin of the History Department of ARIGI. Maikop, 2001. Iss. 4. P. 116-129.
12. Matveev O.V., Rakachev V.N., Rakachev D.N. Ethnic migrations in the Kuban area: history and modernity. Krasnodar, 2003. 200 pp.

13. The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. Vol. 65. Kuban region / Ed. by N.A. Troinitsky. SPb.: Publ. Center of the State Com. of the Ministry of Int. Affairs, 1905. 263 pp.

14. Borozdin K.M. Colonization of the Caucasus // Observer. SPb., 1885. No. 5. P. 129-147.

15. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 722. Op.1. D. 166. L. 52.

16. Simionel V. The price of land. History of Moldavians in the Krasnodar Territory. Krasnodar: Simionel Publishing house, 2018. 240 pp.

17. Batyushkov P.N. Bessarabia. Historical description. SPb.: Tovarishch. "Obshchestvennaya polza", 1892. 322 pp.

18. The Moldavians / ex. ed. by M.N. Guboglo, V.A. Derkachyov; Institute of Ethnology and Anthropology of N.N. Miklouho-Maclay RAS; Institute of Cultural Heritage of A.N. Moldova. M.: Nauka, 2010. 542 pp.

19. Zeynalova S. Ethno-demographic changes in the Caucasus: the formation of European ethnic communities (19th – early 20th centuries) // The Caucasus. Globalization. 2009. Vol. 3. Iss. 4. P. 108–120.

20. Shadzhe A.Yu. Caucasian civilization or Caucasian culture // Scientific Thought of the Caucasus. 2000. No. 2. P. 34–38.

21. Trius L.V. Creation in of the zone of interethnic mutual influence of highlanders, Cossacks and Russian immigrants the North Caucasus (late 18th – early 19th centuries). University Readings. 2009. January 12-13, 2009: materials of the scientific method. readings of PSLU. Pyatigorsk: Publishing house of PSLU, 2009. Part 12. P. 233-238.

22. Velikaya N.N. Political, socio-economic and ethnocultural processes in the Eastern Ciscaucasia (18th – 19th centuries): Diss. for the Cand. of History degree. Stavropol, 2001. 519 pp.